

1

Купер была замужем всего полтора года и не считала себя экспертом в области семьи и брака. Но если уж отношения разладились, заметить это несложно. А ее брак, похоже, трещал по всем швам.

Она слушала, как муж берет интервью у бойца французского Сопротивления, а сама тем временем перебирала в памяти мудрые советы, которые в отсутствие матери и подруг (и за неимением лучшего источника) черпала из женских журналов. Она не «ворчала», не «приставала», не «жаловалась». Она совершенно точно не «требовала постоянно новых платьев», но при этом ей удавалось не выглядеть «неряшливо и неопрятно». Что касается «неаппетитных блюд, поданных в плохо вымытой посуде и сервированных на заляпанной скатерти», то здесь, в Париже, их быт находился на вполне приемлемом уровне, учитывая ограничения военного времени.

Однако воздержание от всех этих «грехов» не делало ее более осведомленной в том, где ее муж был сегодня до двух часов ночи, чья помада размазана по воротничку его форменной рубахи и почему он начал относиться к ней как к мебели.

— Найдется что-нибудь поесть? — спросил Амори Хиткот, швырнув ей черновые листы. В качестве помощницы мужа она должна была перепечатывать на машинке его рукописные заметки, чтобы потом

их можно было отправить в Штаты через службу новостей¹. В качестве жены ей приходилось обеспечивать семейный уют в кочевых условиях, окружать Амори комфортом, заботиться о его нуждах и ограждать от малейших жизненных неудобств.

— Есть вино, хлеб и сыр.

Муж выглядел недовольным.

— И все?

— Я спрошу у хозяйки.

Жители недавно освобожденного Парижа с трогательной щедростью делились с американцами всем, чем могли, но, поскольку сами французы все еще нередко голодали, еду достать было трудно.

Купер сходила к хозяйке и вернулась с призом: половинной палки копченой колбасы и четырьмя вареными яйцами. Амори и Франсуа Жиру курили на крошечном балконе, выходящем на улицу Риволи, которая до сих пор была испещрена шрамами, оставленными уличными боями после недавнего Парижского восстания². Они наблюдали за американским патрулем — четверо солдат заигрывали со стайкой молоденьких французенок, чей смех взлетал высоко над улицей.

— Вы знаете, как мы называем ваших солдат? — спросил Жиру. — Жвачными животными. Из-за жевательной резинки.

— И это вместо благодарности, — заметила Купер.

Жиру скривился, глядя на происходящее внизу:

¹ Эй-эн-эс — Армейское агентство новостей (с 1943 года), Ассошиэтед Пресс и Юнайтед Пресс. — *Прим. пер.*

² Освобождение Парижа, также известное как битва за Париж или Парижское восстание (19–25 августа 1944 года). — *Прим. пер.*

— Они болтаются по Парижу, раздавая конфеты. Но мы не дети.

— Они просто стараются быть добрыми.

— Мадам, я француз и коммунист. Я предпочитаю не быть под башмаком ни у нацистов, ни у американцев.

— Интересно, вы когда-нибудь простите нам ваше освобождение?

Гордость французов после всех несчастий и унижений, перенесенных за время оккупации, стала напоминать ежа: снаружи колючего, но с беззащитным и чувствительным брюшком.

— Наши улицы были серыми от фашистской формы. Теперь цвет фельдграу сменился на хаки.

В течение последнего часа Жиру потчевал их рассказами о своей героической роли в освобождении Парижа — и каждая последующая история оказывалась невероятнее предыдущей. Чувствуя, что американцы начали терять к нему интерес, он предложил:

— Не хотите вечером взглянуть на кое-что достойное внимания?

— Достойное внимания в каком смысле? — уточнил Амори.

Жиру смял недокуренный «Кэмел».

— Коллаборационисты считают, что могут спрятаться от нас, но мы знаем, где они скрываются. Мы находим предателей одного за другим и вершим правосудие.

— *L'épuration sauvage*?³

— Да, так мы это называем. Сегодня мы кое-кого накажем.

³ Стихийная зачистка — кампании по выявлению коллаборационистов и расправе над ними, в ходе которой около тридцати тысяч французов, подозревавшихся в связях с немцами, были подвергнуты публичным унижениям. — *Прим. пер.*

Амори наострил уши.

— Конечно, — кивнул он, — я хотел бы это увидеть. Дождемся Фритчли-Баунда? Он захочет пойти с нами. — Амори повернулся к Купер: — Кстати, где он?

— А как ты думаешь, где он может быть? — ответила она вопросом на вопрос.

Со дня освобождения города от немцев празднования не прекращались ни на минуту, а Джордж Фритчли-Баунд, известный также как Ужасный Прохвост, не мог устоять перед хорошей вечеринкой. Этот британский журналист прибил к ним несколько недель назад. Гордый воспитанник Итона, он почти всегда был навеселе, но они успели к нему привязаться.

Поскольку обеденное время уже настало, а Ужасный Прохвост так и не появился, начали без него. Хлеб и колбаса были тверже камня, а вино сшибало с ног, как тот же камень, пущенный из пращи, но все были слишком голодны.

— А кто этот предатель? — поинтересовался Амори. Жиру пилил колбасу складным ножом.

— Тот, кто причинил значительный вред Франции, — мрачно ответил он. — Сами увидите.

— Они убьют его?

— Возможно.

Купер поморщилась. Они насмотрелись на ужасы, вызванные вторжением союзников, — огромная волна техники и людей прокатилась по Европе в сторону Берлина, и хотя она уже миновала Париж, тот все еще потряхивало.

Амори, казалось, не трогали ни страшные увечья, ни новые смерти, которые эта волна оставляла за собой. В конце концов, он был закаленным в боях

военным корреспондентом, привычным ко всему. И хотя Купер любила его, он был самым холодным человеком из всех, кого она знала.

* * *

Пять минут спустя явился Ужасный Прохвост. Точнее, это было явлением в теле, а не в духе, поскольку его, мертвецки пьяного, внесли двое американских солдат.

— Для лайми⁴ не так уж плох, — пропыхтел один из солдат (Фритчли-Баунд был крупным мужчиной, а чтобы доставить его в квартиру, им пришлось тащить его вверх несколько лестничных пролетов), — но не умеет вовремя остановиться. Куда его положить?

Они приняли Фритчли-Баунда из рук собутыльников и бросили на кровать. Полагаясь на прошлый опыт, Купер перевернула его на бок и подвинула ночной горшок, чтобы тот находился в пределах досягаемости. Неожиданно Фритчли-Баунд приоткрыл один налитый кровью глаз и уставился на них.

— Я покрыл себя позором? — просипел он.

— Не более обычного, — ответил Амори. — Но ты упускаешь прекрасную возможность: Жиру ведет нас смотреть, как бойцы Сопrotивления чинят самосуд.

— Черт! Моя газетенка была бы в восторге. — Англичанин попытался сесть, но вдруг схватился за грудь. Лицо его из малинового стало белым, как полотно. Им пришлось подхватить своего друга, чтобы он не

⁴ Старое уничижительное прозвище для англичан. Происходит от фрукта лайм, соком которого английские моряки спасались от цинги. — *Прим. ред.*

сполз на пол. Он умоляюще взглянул на Купер: — Купер, голубушка!

— Нет, Джордж. Я не хочу смотреть, как кого-то убивают.

— Пожалуйста. Ради меня!

— Нет.

— Для старины Джорджа это может стать звездным часом. Целый разворот. Довольный редактор. Спасенная карьера. — Он вцепился ей в руку. — Фотоаппарат в шкафу. Пленки в нем хватит на несколько кадров.

— Проклятие, Джордж! — выругалась она. — Так больше не может продолжаться!

Он вяло помахал пухлой ладонью — то ли чтобы подтвердить ее правоту, то ли чтобы отмахнуться от возражений, она так и не поняла, — и откинулся на постель, бледный, как смерть.

Амори приподнял бровь:

— Последнее желание умирающего. Неужели ты откажешь?

— Да легко, за пару центов. — Купер протопала к платяному шкафу. — Перезаряжать фотоаппарат не буду. Если пленка закончилась, значит, так тому и быть. — Она внимательно изучила побитую заднюю крышку «Роллейфлекса» (по иронии судьбы Фритчли-Баунд упрямо продолжал пользоваться довоенным немецким аппаратом). Счетчик кадров показывал цифру шесть. — Проклятие!

— Если хочешь, можешь остаться дома, — предложил Амори.

Фритчли-Баунд, который уже начал храпеть, мгновенно проснулся:

— Нет, не надо! Храбрая девочка... Спасение Ужасного Прохвоста... Навеки благодарен...

— И в который раз я тебя спасаю? — спросила Купер, закидывая фотоаппарат на плечо. — Все вы меня используете. Меня уже тошнит от этого. Ладно, идем.

* * *

Она не могла сосчитать, сколько раз заступала на место Фритчли-Баунда, когда тот был слишком пьян, чтобы работать. Она снимала за него и даже писала статьи. Он лишь вносил несколько правок трясушимися руками и отсылал работу под своим именем. За это она не имела от Фритчли-Баунда ничего, кроме благодарности и сознания, что буквально спасает его карьеру от краха. А катастрофа была неминуема: рано или поздно в газете прознают о его подвигах, и всему придет конец.

Подпрыгивая на жестком сиденье джипа, она смотрела, как мимо проносится Париж. Воздух густо пропитался запахом лошадей и навоза: из-за нехватки бензина город вернулся в девятнадцатый век, с его двуколками и каретами, громыхающими по бульварам. Из машин остались лишь немногочисленные такси да джипы, вроде их собственного, набитые солдатами, журналистами и прочими «военными туристами».

На зданиях тут и там виднелись отметины от снарядов. Они проехали мимо нескольких сгоревших грузовиков и взорванного немецкого танка в саду Тюильри, но в целом Париж выглядел великолепно. В отличие от Лондона, где они побывали чуть раньше в этом году, Париж, с его тронутой позолотой зеленью, с Эйфелевой башней, горделиво возносящейся над деревьями и крышами домов к лазурному небу,